

Мо Цзыи двигался стремительно. Увидев, что пальцы вот-вот коснутся руки Шэнь Чи, он радостно оскалился, а в глазах его мелькнула злоба. Он приложил еще больше усилий, словно жаждал вывернуть руку Шэнь Чи до самого перелома.

— Опасность приближается, просим носителя немедленно отреагировать, — голос системы звучал встревоженно, когда ладонь Мо Цзыи оказалась прямо перед лицом Шэнь Чи. — Угрозы жизни нет, поэтому система не может активировать автоматическую защиту.

Шэнь Чи проигнорировал предупреждение. В его голове мгновенно возник план: он оценил обстановку вокруг и, когда Мо Цзыи бросился на него, едва заметно шевельнул пальцами в рукаве. Начертанная на бумаге бледно-зеленая печать мгновенно истлела, а под ноги нападающему легла невидимая преграда.

Любопытство — черта, присущая людям в любом месте. Уже через мгновение вокруг них собралась толпа зевак. Увидев, как Мо Цзыи атакует Шэнь Чи, прохожие округлили глаза.

Мо Цзыи не был мастером боевых искусств, но, будучи выходцем из семьи совершенствующихся, с детства привык питаться редкими эликсирами и снадобьями, поэтому его физическая сила значительно превосходила силу обычного человека. Многие из присутствующих понимали: если Шэнь Чи попадет к нему в руки, то в лучшем случае отделается тяжелыми травмами, а в худшем — останется калекой.

Ребенок в плаще выглядел совсем маленьким, и все догадались, что он пришел на отбор в секту. Если он повредит руки сейчас, шанса стать бессмертным у него не будет — придется ждать следующего отбора целых десять лет. Зрители невольно затаили дыхание, сопереживая мальчику.

Кто-то из сердобольных прохожих уже хотел вмешаться, чтобы предотвратить расправу, но не успели они сделать и шага, как застыли в изумлении: сцена совершила столь резкий поворот, что никто не успел опомниться.

Мо Цзыи, ослепленный предвкушением легкой победы, внезапно поскользнулся. Из-за того, что он вытянул руки вперед, его центр тяжести сместился, и он, споткнувшись, полетел в сторону, с размаху врезавшись в проходившего мимо здоровяка.

Мужчина был огромным, с густой рыжей бородой, косматыми бакенбардами и суровым взглядом из-под густых бровей. Получив удар, он мгновенно рассвирепел. Одним движением он схватил Мо Цзыи, который еще секунду назад вел себя так вызывающе, и поднял его в воздух, словно назойливого цыпленка. Здоровяк пару раз встряхнул его и прорычал:

— Эй, малец, ты на кого это наткнулся?

Мо Цзыи от тряски поплыл, а от свирепого тона гиганта побледнел как полотно:

— Я... я не нарочно!

— Не нарочно? Тут полно свидетелей, которые видели, как ты специально врезался в меня! А за то, что врезался, придется заплатить — выбирай, что ломать: руки или ноги.

Мо Цзыи был готов разрыдаться, но вдруг попытался напустить на себя храбрости и пригрозил:

— Я... я старший молодой господин из клана Мо, первой семьи совершенствующихся! Ты не смеешь так со мной обращаться!

Здоровяк словно пропустил угрозы мимо ушей. Он обвел взглядом толпу, и зеваки, ошеломленные переменой ситуации, тут же пришли в себя и закивали:

— Все верно, мы своими глазами видели, как этот парень сам на него налетел!

— Именно так!

— ...

Получив подтверждение, здоровяк кивнул, еще раз встряхнул головокруженного Мо Цзыи и, посмотрев на Шэнь Чи, грубо бросил:

— Малыш, иди своей дорогой. Этот щенок теперь мой.

Сказав это, он махнул свободной рукой остальным, требуя разойтись:

— Разойдись! Дайте пройти!

То ли из-за свирепого вида мужчины, то ли по какой другой причине, но толпа мгновенно расступилась. Когда Шэнь Чи вышел из круга, люди снова сомкнулись, и он лишь мельком увидел затылок здоровяка в гуще прохожих.

Стоило ему отойти на пол-улицы, как сзади послышался отчетливый хруст костей, сопровождаемый истошным воплем Мо Цзыи.

В сюжете, который Шэнь Чи узнал от системы, об этом человеке не упоминалось. Но в прошлой жизни Шэнь Чи был знаком с ним. К тому времени тот здоровяк уже свернул с пути бессмертных на путь демонов и прослыл среди них жестоким палачом, который убивал только других демонов. Это свидетельствовало о его прямолинейном характере. Он терпеть не мог, когда кто-то прикасался к нему, особенно если это были демоны или люди с гнилым нутром. Тех, кто осмеливался его задеть, ждала незавидная участь: в лучшем случае — переломанные конечности, в худшем — полное уничтожение души.

Шэнь Чи не знал, почему такой праведник в итоге стал демоном, но сейчас, глядя на происходящее, он понял, что характер того человека остался прежним.

— Персонаж второго плана потерял возможность попасть в секту, неопределенность сюжета возросла, — прозвучал голос системы. — Чтобы обеспечить успешное выполнение задания,

просим носителя впредь не изменять основной сюжет без необходимости.

— Я всего лишь заставил его упасть, — парировал Шэнь Чи. — Строго говоря, это не лишает его шанса вступить в секту.

— Носитель, подождите, — система замолчала, а через некоторое время отозвалась вновь: — Приносим извинения, носитель. Это была ошибка в расчетах системы. Данное изменение сюжета не является вашей главной виной. В качестве компенсации система дарит вам один талисман случайной телепортации. Пожалуйста, примите подарок.

Ответ системы заставил Шэнь Чи помрачнеть, но он быстро взял себя в руки и, не сбиваясь с шага, продолжил путь сквозь толпу.

Церемония отбора учеников была уже близко.

Далеко в горах, на территории государства Минлан.

Шэнь Ухо стоял, прислонившись спиной к стволу дерева. Одна нога согнута в колене, другая вытянута — поза казалась расслабленной, но на самом деле он выглядел крайне потрепанным.

Его темная одежда была измята, казалось, он не переодевался уже несколько дней, а на обычно ледяном лице читалась усталость.

Когда Шэнь Чи ушел, Шэнь Ухо последовал за ним на восток. С самого начала путь был беспокойным: сначала разбойники, потом совместная погоня нескольких влиятельных кланов, на что ушло немало времени. Разобравшись с мелкими неприятностями, он было собрался нагнать Шэнь Чи, но угодил в древнюю ловушку.

Прожив две жизни, Шэнь Ухо кое-что смыслил в массивах, но по сути своей оставался чистым мечником. То, что ему удалось легко разрушить те два простеньких массива Шэнь Чи, объяснялось лишь тем, что он находился снаружи, а его собственная сила многократно превосходила энергию, заложенную в те ловушки.

Но этот массив был другим. Судя по способу его начертания, этому сооружению было не меньше тысячи лет. Структура оказалась невероятно сложной, и для того, чтобы выбраться, требовались не только мощная база совершенствования, но и глубокие познания в искусстве массивов.

Шэнь Ухо потер ноющие виски. Если бы Сяо Чи был здесь, даже без базы совершенствования, он бы не потратил целый месяц на то, чтобы выбраться.

При мысли о Шэнь Чи взгляд Шэнь Ухо смягчился. Он достал из-за пазухи нефритовую

подвеску.

На маленьком бледно-зеленом нефрите был искусно вырезан дракон. Шэнь Ухо бережно сжимал его в ладони. Еще в тот день, когда он получил этот подарок, он понял, что помимо защитного массива в нем скрыта еще одна энергия.

В древних книгах такая энергия называлась подавлением.

Как следует из названия, она крепилась к массиву или талисману и подавляла удачу того, на кого была направлена. Сочетание двух массивов в этой подвеске было гениальным — они идеально дополняли друг друга. Такое мог создать только великий мастер, достигший вершин в искусстве массивов.

Увидев эту вещь, Шэнь Ухо окончательно убедился: Шэнь Чи не просто повезло, он, как и он сам, переродился.

Шэнь Ухо сжал ладонь, в его глазах промелькнула горечь. В прошлой жизни он так ужасно обращался с Шэнь Чи, и, независимо от причин, тот в итоге погиб из-за него. Неудивительно, что теперь Шэнь Чи сторонился его и пытался сбежать.

Но утешало одно: они оба живы, и та «вещь» не последовала за ними.

Глубоко вздохнув, Шэнь Ухо снова бережно спрятал подвеску. Что бы она ни означала, это был первый подарок, который Сяо Чи сделал ему своими руками.

Он снова внимательно осмотрел два духовных камня, которые достал из массива Шэнь Чи. Взгляд его был мягким, хотя лицо оставалось бесстрастным.

С тех пор как Шэнь Чи однажды сказал, что его улыбка выглядит странно, Шэнь Ухо купил в одном из городков маленькое медное зеркальце. Весь этот месяц, в перерывах между разрушением массива, он бесконечно тренировался улыбаться перед зеркалом, но, кажется, без особого успеха.

Лишь теперь он вспомнил, что за несколько сотен лет своей прошлой жизни, кажется, ни разу не улыбался.

...Учиться улыбаться оказалось сложнее, чем упражняться с мечом.

Шэнь Чи улыбался очень красиво. Шэнь Ухо представил его нынешний облик, вспоминая лицо Шэнь Чи из прошлой жизни. Хотя в его глазах Шэнь Чи всегда был самым прекрасным, он не мог так просто простить тех, кто причинял ему боль.

Того Шэнь И, многих других... а также самого себя.

Страхнув с одежды прилипшие листья, Шэнь Ухо взглянул на восток. Небо начинало светлеть, на нем не было ни облачка, лишь легкий красноватый оттенок.

Скоро пойдет снег.

С тех пор как Шэнь Чи ушел, прошел уже больше месяца.

В день отбора учеников секты Чэнцзянь, как только забрезжил рассвет, множество людей собралось на северной площади города Цзинсянь. Большинство из них не спали всю ночь, но выглядели бодрыми и с предвкушением смотрели на высокую платформу в центре.

Платформа высотой примерно в человеческий рост, на вид напоминавшая белый нефрит, но лишенная его внутреннего сияния, была построена из неизвестного материала. Десять чжанов в квадрате, она казалась пустой и внушала трепет.

Маленькая фигурка Шэнь Чи затерялась в толпе, его черный плащ был совершенно неприметен. Он окинул площадь взглядом, но из-за маленького роста видел лишь подола чужих одежд. Чтобы разглядеть лица, приходилось каждый раз задирать голову.

Судя по всему, Шэнь Ухо здесь не было.

Вдруг неподалеку кто-то радостно вскрикнул и, с трудом расталкивая толпу, направился к нему.

Шэнь Чи сразу узнал юношу, с которым не был близок, но и не был совсем незнаком. Тот пробился сквозь толпу, запыхавшийся, и остановился перед ним с застенчивой, ожидающей улыбкой:

— Привет, ты меня помнишь? — боясь, что Шэнь Чи не вспомнит, он поспешно добавил: — Меня зовут Чу Сылинь. Спасибо, что в тот раз помог мне выбраться с той странной улицы.

При упоминании той улицы на его лице мелькнул страх.

— Для успешного реванша рекомендую наладить отношения с персонажем второго плана, — подала голос система.

— Не нужно слов, у меня свои планы, — ответил Шэнь Чи.

— Слушаюсь, носитель.

Закончив разговор с системой, Шэнь Чи сухо кивнул Чу Сылиню.

Увидев кивок, Чу Сылинь расплылся в широкой улыбке, его глаза превратились в полумесяцы, а на щеках появились ямочки. Он уже хотел продолжить разговор, как вдруг ахнул, протянул руку и восторженно воскликнул:

— Снег пошел!

С пустого неба начали падать мелкие снежинки, оседая на людях и принося с собой бодрящий холод.

Снег усиливался. Желающие стать бессмертными ежились, пряча шеи в воротники, но время шло, и их одежда насквозь промокла от талого снега.

Если не считать праздных совершенствующихся, большинство пришедших были юношами, которые еще не начали свой путь, и многие из них выросли в богатых семьях, не зная трудностей. Простояв на холоде почти два часа, они посинели от холода, их губы дрожали. Им хотелось потопать ногами, чтобы согреться, но они пытались сохранить достоинство.

— Секта Чэнцзянь — первая секта мира, почему же они такие непунктуальные? — раздался в толпе звонкий голос юноши, и многие его поддержали.

— Верно! Обещали быть в час Кролика, а уже час Змеи. Мы прождали два часа, а их и след простыл.

— Если бы не мать, я бы ни за что не пришел в это паршивое место на этот отбор. Если они не держат слово даже во время выбора учеников, чему они могут нас научить? Слышал, через два года секты Чжифу и Минфа тоже будут набирать учеников, лучше вернусь и скажу матери, что попробую там.

— Согласен. Не обязательно становиться бессмертным именно в секте Чэнцзянь! Столько времени прошло, может, они вообще забыли про нас?

После этих обсуждений людей на площади стало заметно меньше — ушла почти треть.

Чу Сылинь, чей нос покраснел от холода, грел руки дыханием и притопывал ногами. Увидев, сколько людей уходит, он подошел ближе к Шэнь Чи и понизил голос:

— Я слышал, что каждый раз методы отбора в секте Чэнцзянь разные. Мне кажется, это стратегия, чтобы проверить нас.

Шэнь Чи взглянул на него с интересом. Сейчас этому юноше, должно быть, не больше одиннадцати-двенадцати лет, и иметь такие мысли — это действительно не просто. Он кивнул:

— Шэнь Чи.

— А? — Чу Сылинь опешил, его глаза округлились. Только через секунду он понял, что Шэнь

Чи назвал свое имя. Он забыл греть руки, его губы начали растягиваться в широкую, сияющую улыбку, и он просиял: — Шэнь Чи, а я — Чу Сылинь!

— Мм.

Шэнь Чи задержал взгляд на его лице. В прошлой жизни он встречал этого человека несколько раз, но уже спустя сотни лет совершенствования. Тогда Чу Сылинь был правой рукой Шэнь Ухо, спокойным, обходительным и невозмутимым. Кто бы мог подумать, что в детстве он был таким... открытым.

Неудивительно, что он так реагировал. Это был его первый самостоятельный выход из дома. Едва попав в город Цзинсянь, он случайно забрел на рынок духов и перепугался до смерти, увидев странных существ, а старик с красным лицом и щупальцами осьминога довел его до слез.

Тогда все вокруг смеялись, и только Шэнь Чи не стал насмехаться. Несмотря на холодный тон, он вывел его из того логова демонов.

Можно сказать, что для Чу Сылиня Шэнь Чи стал спасителем. Жаль только, что тогда он не захотел назвать своего имени.

Теперь, узнав имя Шэнь Чи, как он мог не радоваться?

Прошел еще час, и площадь опустела еще сильнее. Осталось меньше половины от первоначального числа. Все они были покрыты слоем снега и выглядели как мертвецы.

Шэнь Чи потерял руки под плащом — они уже почти не чувствовали холода. Талая вода пропитала одежду, а ледяной ветер превратил ее в ледяную корку, словно на нем были доспехи.

К концу часа Лошади, началу часа Козы, на площади осталась лишь треть желающих.

Шэнь Чи, словно почувствовав что-то, поднял голову и увидел в небе серебристый свет меча.

Свет приближался и наконец опустился на платформу в центре площади. Пятеро мечников в лазурных одеждах. У всех чистые, ясные лица, волосы собраны в пучки. Несмотря на лютый мороз, они были в легких одеждах, а снежинки, казалось, облетали их стороной.

Лидер группы выбросил в воздух нефритовую печать. Все почувствовали, как их обдало теплым ветром, одежда мгновенно высохла, а по телу разлилось тепло. Не успели они прийти в себя, как заметили, что снег прекратился. Люди ошеломленно смотрели на мастеров, словно перед ними были божества. Думая о том, что когда-нибудь они сами могут стать такими же, они затаили дыхание.

Чу Сылинь, потрогав свою сухую одежду, похлопал себя по щекам. Больно, руки горячие. Он тупо уставился на Шэнь Чи:

— Как они это сделали?

Шэнь Чи посмотрел на «небо». Нефритовая печать, выброшенная Юнь Юем, на самом деле была массивом. Это был защитный массив, но более совершенный, чем обычные — функция сушки одежды была недоступна рядовым заклинателям.

Говорят, в секте Чэнцзянь хранятся самые полные древние секретные книги мира совершенствования, и там должно быть еще больше записей о подобных массивах. При этой мысли сердце Шэнь Чи забилося чаще.

Лидер группы поднял руку, и на толпу обрушилось невидимое давление. На площади воцарилась гробовая тишина. Он заговорил:

— Я — старший ученик тридцать седьмого поколения секты Чэнцзянь, мое имя Юнь Юй. Сегодня мы опоздали, прошу прощения за долгое ожидание.

Голос Юнь Юя был негромким, но отчетливо прозвучал в ушах каждого.

— Какой важный вид, — прошептал Чу Сылинь.

— С древних времен это мир, где правят сильные, — ответил Шэнь Чи. — Он сильнее нас, что тут странного?

— Но мудрецы древности говорили, что только смирение позволяет сохранить стремление к прогрессу, — возразил Чу Сылинь.

— Вырывать слова из контекста — большая ошибка, — ответил Шэнь Чи.

После этих слов Юнь Юй не ослабил давление, а наоборот, усилил его. Те, кто только что вздохнул с облегчением, почувствовали, как на них давит тяжесть в тысячи цзиней, и у них перехватило дыхание.

В одно мгновение те, кто стоял прямо, радуясь приходу мастеров, попадали на колени или растянулись на земле. Лишь единицы продолжали стоять, из последних сил сопротивляясь.

Чу Сылинь, сбитый с толку словами Шэнь Чи, не успел спросить, почему он так сказал, и напряг все силы, чтобы не упасть.

Шэнь Чи ожидал внезапного давления, но его тело все равно пошатнулось.

Его нынешнему телу не было и восьми лет, у него не было базы совершенствования, а с тех пор как он помнил себя, он ни разу не ел досыта, поэтому был таким хилым. Даже после перерождения, без тренировок, он не мог изменить состояние тела. Поэтому, несмотря на высокую чувствительность, его физической силы не хватало.

Пошатнувшись, Шэнь Чи задержал дыхание, с трудом переставил ногу, принимая устойчивую стойку, и выпрямил спину.

Юнь Юй, конечно, помнил того необычайно красивого ребенка из храма. Едва спустившись на платформу, он сразу заметил Шэнь Чи. Хотя тот был в плаще, скрывающем лицо, Юнь Юй достиг стадии Золотого Ядра, и такая маскировка не могла его обмануть. Его лишь удивляло, где же старший брат, который так оберегал ребенка.

Не успев додумать, Юнь Юй, согласно правилам отбора, выпустил давление. Увидев, что Шэнь Чи лишь слегка пошатнулся, но устоял, он был поражен.

Хотя это было давление лишь стадии Возведения Основания, в пересчете на вес оно составляло около ста цзиней, включая психологическое воздействие. Даже крепкий юноша не всегда мог устоять, а Шэнь Чи — восьмилетний ребенок!

Если бы у него не было ледяного и огненного корней духа, он был бы редким талантом для пути бессмертных.

<http://bllate.org/book/19444/1906336>